

УДК 343.1

Максат Элмуратович МОЛДОБАЕВ,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России
maksatmoldobaev1986@gmail.com

ПОТЕРПЕВШИЙ КАК СУБЪЕКТ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

THE VICTIM AS A SUBJECT OF THE INSTITUTE OF RECONCILIATION IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

В статье выделены субъект-объектные критерии допустимости реализации примирительных процедур в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики. В целях обеспечения максимальной полноты защиты и охраны прав потерпевшего, предлагается осуществлять закрепление результатов примирения (в том числе путем медиации) посредством признания и утверждения соответствующего соглашения исключительно судом. Для предоставления субъекту преступления возможности наиболее полно компенсировать причиненный преступлением вред предлагается обеспечение возможности приостановления судопроизводства на четко определенный срок, в течение которого субъект преступления сможет исполнить взятые на себя обязательства. Разработаны критерии зависимости уголовно-процессуального статуса участников уголовного судопроизводства от правового статуса личности, позволяющие конкретизировать специфику заключения и реализации соглашения о примирении в интересах максимальной полной защиты и охраны прав и законных интересов потерпевшего, а также гуманного отношения к субъекту преступления.

The article highlights the subject-object criteria for the admissibility of the implementation of conciliation procedures in criminal proceedings in the Kyrgyz Republic. In order to ensure the maximum completeness of protection and protection of the rights of the victim, it is proposed to consolidate the results of reconciliation (including through mediation) by recognizing and approving the relevant agreement exclusively by the court. In order to provide the subject of the crime with the opportunity to fully compensate for the harm caused by the crime, it is proposed to ensure the possibility of suspending legal proceedings for a clearly defined period during which the subject of the crime will be able to fulfill his obligations. Criteria have been developed for the dependence of the criminal procedural status of participants in criminal proceedings on the legal status of an individual, allowing to specify the specifics of concluding and implementing a reconciliation agreement in the interests of the fullest possible protection and protection of the rights and legitimate interests of the victim, as well as humane treatment of the subject of the crime.

Ключевые слова: примирительные процедуры, примирение, медиация, уголовно-процессуальный статус личности, правосубъектность, уголовное судопроизводство, Кыргызская Республика.

Keywords: *conciliation procedures, reconciliation, mediation, criminal procedural status of a person, legal personality, criminal proceedings, Kyrgyz Republic.*

Уголовный процесс Кыргызской Республики, как и большинства государств, избравших правовой, социально ориентированный путь развития, направлен на гуманизацию наказаний за совершение преступлений в зависимости от их тяжести, конкретизированной в ст. 19 Уголовного кодекса Кыргызской Республики¹ (далее – УК КР). При этом основной задачей кыргызского уголовного судопроизводства должно стать реальное осуществление защиты прав и законных интересов потерпевшего как наиболее уязвимого субъекта соответствующих отношений.

Учитывая изложенное, необходимо дальнейшее укрепление процессуальных позиций потерпевших в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики, а средства, направленные на максимальную защиту их прав, а также имущественных и личных неимущественных интересов, должны быть для них более «безболезненными». При этом воля этого участника уголовного процесса должна рассматриваться как один из центральных элементов, определяющих ход осуществления уголовного судопроизводства.

Значимым представляется укрепление доверия потерпевшего к уголовному судопроизводству, главная цель которого – защитить личность и общество от последствий преступного деяния, восстановить нарушенные права, возместить причиненный преступлением вред путем доказывания обстоятельств дела и виновности лица, совершившего преступление [2, с. 25]. Благодаря этому будет установлена истина по делу, что обеспечит потерпевшему полную и справедливую защиту, и лишь таким путем государство может выполнить свою правовую миссию.

Важно учитывать, что для участников уголовного судопроизводства сам процесс расследования преступления и судебного разбирательства по уголовному делу является определенной сложностью, независимо от последствий самого деяния. И хотя указанное

касается в большей степени обвиняемого, но и потерпевший также испытывает некоторые неудобства (вынужден давать показания, снова переживая эмоции, возникшие вследствие посягательства на его права и законные интересы, являться в органы следствия и суд для участия в процессуальных действиях, контактировать с адвокатами и лицом, совершившим преступление). Соответственно, уже участие в уголовном судопроизводстве без обеспечения эффективной защиты способствует усилению причиненного потерпевшему морального и материального ущерба. При этом именно уголовно-процессуальный закон должен предоставить возможность лицам, претерпевающим негативные последствия от преступления, принимать активное участие в уголовном судопроизводстве в качестве полноправных участников уголовно-процессуальной деятельности, и таким образом он становится на защиту нарушенных преступлением прав этих лиц.

В то же время, следуя принципам справедливости, гуманизма, индивидуализации и личного характера уголовной ответственности и наказания (ст. 6-9 УК КР), кыргызский законодатель обеспечивает также защиту прав и законных интересов субъекта преступления, предусматривая возможность освобождения от уголовной ответственности при достижении согласия с потерпевшим.

В Главе 58 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики² (далее – УПК КР) предусматривается возможность примирения потерпевшего и субъекта преступления (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого) на любом этапе уголовного судопроизводства.

Процедура освобождения от уголовной ответственности при достижении согласия с потерпевшим реализуется при соблюдении ряда ключевых условий, закрепленных ст. 57 УК КР, ст. 505-507 УПК КР:

1) критерий примирения с потерпевшим – готовность потерпевшего простить лицо,

1 Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 N 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.01.2024). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/2087/ru>.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 N 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.01.2024). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/2086/ru/>

совершившее преступление, при условии активных действий последнего, направленных на примирение и заглаживание вины;

2) критерий возмещения причиненного ущерба – компенсация урона, который был нанесен потерпевшему вследствие преступления;

3) критерий частного характера интересов, нарушенных преступлением, – не подлежит освобождению от уголовной ответственности субъект, совершивший преступление, посягающее на интересы общества и государства;

4) критерий тяжести преступления – применение института примирения только к лицам, совершившим преступление небольшой тяжести и/или менее тяжкое преступление;

5) критерий отсутствия оснований неприменения освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в ч. 2 ст. 57 УК КР:

– освобождение от уголовной ответственности возможно лишь в отношении лиц, совершивших преступление не в составе организованной группы или преступного сообщества;

– недопустимо применение института примирения в случае нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспортных средств, повлекшего по неосторожности особо тяжкий вред, если преступление было совершено в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или иного одурманивающего воздействия.

Приведенные критерии носят субъект-объектный характер – то есть указывают и на субъектный состав соответствующих отношений и волеизъявление потерпевшего и субъекта преступления, и на объективные признаки, без которых согласно букве закона не может произойти реализация института освобождения от уголовной ответственности при достижении согласия с потерпевшим. И если вторая группа факторов достаточно конкретизирована в ст. 57 УК КР и детализирована в научной и практико-прикладной литературе [4, с. 96-97; 7, с. 234-235], то пер-

вая требует более детального рассмотрения в контексте определения значимости роли потерпевшего в реализации примирительных процедур.

Важно учитывать, что на первоначальном этапе расследования преступления ключевой фигурой чаще всего выступает именно потерпевший, заявляющий о преступлении, либо по факту причинения вреда которому возбуждается уголовное дело. Обозначенное лицо на данном этапе зачастую владеет наибольшей информацией о совершенном преступлении. Без учета личной оценки потерпевшего трудно решать вопрос о наличии в действиях причинителя вреда состава преступления, о степени общественной опасности совершенного, ибо потерпевший в большинстве случаев лучше других знает о причинах совершенного против него покушения [1, с. 20].

Кроме того, поскольку уголовный и уголовно-процессуальный законы прежде всего направлены на защиту прав и законных интересов личности, общества и государства, учитывая презюмируемый в Преамбуле и ст. 2 Конституции Кыргызской Республики¹ тезис о первоочередной значимости защиты прав и свобод человека и гражданина, следует отметить: гуманизация уголовного законодательства, безусловно, должна обеспечивать применение минимального по строгости наказания, но прежде всего она должна преследовать цель обеспечения эффективности применения норм законодательства для максимального возможного восстановления нарушенных прав потерпевшего и компенсации причиненного преступлением ущерба самому пострадавшему лицу или иным лицам, признанным потерпевшими.

Актуализация указанного в контексте института примирения сторон как основания для освобождения субъекта преступления от уголовной ответственности позволяет сделать вывод о том, что субъектный фактор применения соответствующих мер должен быть прежде всего ориентирован на потерпевшего, его волеизъявление и желание примириться с субъектом преступления при

¹ Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2021 : принята референдумом (всенародным голосованием) 11.04.2021. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru>.

условии допустимости указанного по вышеупомянутым объектным факторам.

Право на примирение, предусмотренное ст. 57 УК КР, ст. 505-57 УПК КР, является субъективным правом лица, претерпевающего последствия преступления, то есть юридической возможностью действовать в направлении осуществления, удовлетворения личных интересов, в том числе и в целях полного возмещения ущерба и устранения причиненного вреда. Ключевым аспектом реализации института освобождения виновного лица от уголовной ответственности и восстановления справедливости является указание в упомянутых нормах уголовного и уголовно-процессуального законов на необходимость достижения согласия между потерпевшим и субъектом преступления по вопросам принесения извинений или предоставления иного морального удовлетворения, а также предоставления материальной компенсации.

В этом находит также реализацию такая задача уголовного судопроизводства, как восстановление нарушенных преступлением прав лиц, потерпевших от преступления, и возмещение им причиненного преступлением вреда (п.п. 1, 5, 7 ст. 6 УПК КР). При этом как в части предоставления морального удовлетворения, так и в контексте материального возмещения ущерба и причиненного преступлением вреда, лишь от доброй воли потерпевшего и согласия на предложенные субъектом преступления активные действия зависит выбор способов компенсации, – этот вопрос практически полностью отдан на усмотрение сторон. Уголовно-процессуальный закон направлен лишь на фиксацию факта достижения соглашения между сторонами, что подчеркивает приоритет диспозитивного регулирования анализируемого института над императивным.

Более того, осуществление субъектом преступления активных действий, направленных на достижение прощения его потерпевшим и предоставление компенсации, не явля-

ется залогом примирения и, соответственно, освобождения виновного от уголовной ответственности. Поэтому лицо, причинившее вред своим преступным посягательством, само должно избрать и согласовать приемлемый способ возмещения или согласиться с предложением потерпевшего.

Для упрощения взаимодействия между сторонами кыргызский уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность достижения примирения посредством медиации – добровольной процедуры урегулирования уголовного судопроизводства между его участниками при содействии медиатора (медиаторов) в целях достижения ими взаимоприемлемого соглашения (п. 35 ст. 5 УПК КР). Обращение за помощью к медиатору как профессиональному субъекту способствует достижению процессуальной экономии и эффективности примирительных процедур [6, с. 301]. Важно учитывать, что процесс примирения является частным по своей сути, а участие медиатора не носит верификационного характера.

Соответственно, результат примирения имеет юридическое значение для следствия и суда. Однако, учитывая отсутствие прямо закрепленных требований относительно объективности и беспристрастности следователя (соответствующие требования к судье и суду предусмотрены п. 6 ч. 1 ст. 4 Конституционного закона Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 г. N 138 «О статусе судей Кыргызской Республики»¹, ст. 4 Кодекса чести судьи Кыргызской Республики², наиболее целесообразной формой закрепления результатов примирения (в том числе путем медиации) будет та форма, которая предусматривает свободу воли сторон и возможность ее признания с упрощенными средствами утверждения именно судом. Указанное обосновывает необходимость внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 507 УПК КР.

Порядок возмещения может предусматривать единовременное погашение обяза-

1 О статусе судей Кыргызской Республики : Конституционный Закон КР от 15.11.2021 N 138 // Эркин-Тоо. 2021. N 11.

2 Кодекс чести судьи Кыргызской Республики от 07.07.2017 : принят на X Съезде судей Кыргызской Республики 19.02.2016 // Бюллетень Верховного суда Кыргызской Республики. 2016 N 1 (62).

тельства его исполнением или постепенную его реализацию, но возмещение причиненного вреда как одна из форм его заглаживания не может быть осуществлено после прекращения уголовного дела, что обосновывает целесообразность для правоприменителя в отдельных случаях, когда прослеживается очевидное стремление субъекта преступления урегулировать вопрос с компенсацией, предоставить ему четко определенное время для того, чтобы у него была возможность осуществить возмещение, что особенно актуально с учетом сжатых сроков следствия. Соответственно, единственным выходом из сложившейся ситуации представляется приостановление судопроизводства на этапе предварительного расследования или судебного разбирательства на четко определенный срок с внесением соответствующих изменений в ст. 246, 286, 301 УПК КР.

В процессе возмещения вреда и примирения потерпевшего с субъектом преступления могут возникнуть определенные коллизии, связанные с определением правового статуса личности. Имеется в виду то, что указанные лица вправе свободно распоряжаться своими правами, но когда потерпевший или субъект преступления, вовлеченные в осуществление примирительных процедур, являются несовершеннолетними, ограниченными в дееспособности или недееспособными, то органу уголовного преследования необходимо в обязательном порядке учитывать эти особенности [3; 5].

В ч. 1 ст. 47 УПК КР предусмотрено, что для возмещения ущерба, причиненного преступлением, совершенным невменяемым лицом или ребенком, к участию в деле привлекается лицо, несущее ответственность за действия обозначенных субъектов преступления. Текстуальный анализ представленного указывает на некоторую сомнительность вопросов формулировки «ребенок» и «невменяемое лицо».

В первом случае ст. 61 Гражданского кодекса Кыргызской Республики¹ (далее – ГК КР) предусматривает для лиц в возрасте от

14 до 18 лет неполную дееспособность с определенным объемом сделкоспособности, которой вполне может оказаться достаточно для заключения соглашения о примирении, а согласно ч. 2 ст. 56 ГК КР лицо может приобрести полную дееспособность в случае вступления в брак до достижения восемнадцатилетнего возраста, и даже при расторжении брака дееспособность и, соответственно, необходимая степень сделкоспособности за ним будет сохраняться. Актуальным в данном случае будет и вопрос объявления эмансипации несовершеннолетнего в возрасте старше шестнадцати лет, что предусмотрено ст. 62 ГК КР; в ч. 2 обозначенной статьи прямо предусмотрено, что родители или лица, заменяющие их, не несут ответственности за вред, причиненный эмансипированным несовершеннолетним.

Во втором случае указание на невменяемое лицо свидетельствует о предусмотренной ч. 1 ст. 25 УК КР невозможности лица нести ответственность за совершенное преступление, однако не разрешается коллизия, связанная с возмещением ущерба в связи с преступлением, причиненным ограниченно вменяемым лицом (ст. 26 УК КР), а также ограниченно дееспособным (ст. 65 ГК КР) или недееспособным (ст. 64 ГК КР) лицом.

В данном случае могут быть обоснованы следующие закономерности:

– эмансипированные и получившие полную дееспособность по причине вступления в брак лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, хоть и относятся к категории «ребенок» в понимании ч. 1 ст. 47 УПК КР, но самостоятельно несут ответственность за причиненный ими ущерб, а потому привлечение лиц, ответственных за возмещение ими вреда, не требуется;

– ограниченные в дееспособности лица также самостоятельно несут имущественную ответственность за причиненный им вред, что исключает применение ст. 47 УПК КР;

– несовершеннолетние лица с неполной дееспособностью по достижению ими четырнадцатилетнего возраста могут самостоятель-

1 Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 08.05.1996 N 15 (Часть I) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.04.2023). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4/edition/1263361/ru>.

но распоряжаться своим заработком (при наличии) и нести частичную ответственность за причиненный вред, а потому применение ст. 47 УПК КР должно осуществляться в индивидуальном порядке с учетом наличествующих обстоятельств дела; в то же время даже если у несовершеннолетнего в этом возрасте есть самостоятельный заработок и право распорядиться им для возмещение ущерба, причиненного преступлением, то в ходе следствия или судебного разбирательства при реализации процедуры примирения такой заработок может прекратиться, а потому представляется целесообразным привлечение лица, ответственного за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда;

– недееспособные, а также несовершеннолетние лица в возрасте до четырнадцати лет не несут ответственности за свои действия, а потому при совершении ими преступления применение ст. 47 УПК КР является обязательным.

Проблемной является и формулировка, изложенная в ч. 2 ст. 47 УПК КР: «Лицо, ответственное за возмещение ущерба, имеет права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом для обвиняемого, осужденного в части возмещения материального ущерба и морального вреда». Согласно ч. 3 ст. 505 УК КР ходатайство о примирении может быть заявлено сторонами на любом этапе уголовного судопроизводства, а соответственно, оно актуально и для подозреваемого, в связи с чем обозначенная формула требует коррекции.

Если в отношении субъекта преступления правовой статус лица хотя бы несколько урегулирован нормами кыргызского уголовно-процессуального закона, то в контексте потерпевшего сходные оговорки отсутствуют. Поскольку вопрос уголовно-процессуальной правосубъектности УПК КР четко не решает, следует учитывать предложенное выше деление субъектов в зависимости от их правоспособности, включая сделкоспособность. Отчасти вопрос возможности заключения соглашения о примирении с участием несовершеннолетнего потерпевшего решается в ч. 2

ст. 42 УПК КР: «Для защиты прав и законных интересов потерпевшего, являющегося ребенком или по своему физическому или психическому состоянию лишенного возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в деле привлекаются их законные представители». В то же время указанная норма содержит аналогичные недостаточно корректные формулировки «ребенок» и «лицо, по своему физическому или психическому состоянию лишенное возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы». Поскольку в кыргызском законодательстве правовой статус указанных лиц не определяется, необходимо основываться на базовых категориях гражданского права, регулирующих правосубъектность лиц:

– если потерпевшим является несовершеннолетнее лицо в возрасте до четырнадцати лет или недееспособное лицо, то примирительные процедуры могут быть реализованы исключительно с участием законного представителя такого субъекта;

– если речь идет о лице, обладающем неполной дееспособностью в силу возраста от четырнадцати до восемнадцати лет, привлечение к примирительным процедурам законного представителя должно решаться по инициативе самого лица, его законного представителя, следователя или суда;

– в случае участия в примирительных процедурах лица, ограниченно дееспособного, эмансипированного или получившего полную дееспособность в связи с вступлением в брак, необходимые решения принимаются им самостоятельно.

Завершая исследование, представляется необходимым указать на некоторую неполноту уголовно-процессуального законодательству Кыргызской Республики в части регулирования процессуального статуса лиц, участвующих в реализации примирительных процедур, в связи с чем обоснована необходимость дополнения отдельных норм УПК КР.

Кроме того, совершенствования требуют нормы, предусматривающие порядок заключения соглашения о примирении в целях

обеспечения максимальной полноты защиты прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Учитывая указанное, следует обозначить целесообразность смещения вектора уголовно-процессуальной политики Кыргызской Республики в контексте реализации принципа гуманизма в контексте потерпевшего от пре-

ступления. Только благодаря такому подходу возможно сделать уголовно-процессуальное право эффективным инструментом охраны личности, основанным на презумпции приоритетности прав потерпевшего, быстром и полном восстановлении всех нарушенных преступными действиями прав, свобод и законных интересов лица.

Библиографический список

1. Быков, В.М. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство) / В.М. Быков, С.В. Колдин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 288 с.
2. Володина, Л.М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе : дис. ... докт. юрид. наук / Л.М. Володина. – Екатеринбург, 1999. – 323 с.
3. Галимова, М.А. Уголовно-процессуальное примирение : монография / М.А. Галимова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2006. – 172 с.
4. Зорин, А.И. Опыт стран СНГ в области возмещения вреда, причиненного преступлением (на примере Белоруссии, Казахстана, Киргизии) / А.И. Зорин // Право и государство: теория и практика. – 2019. – N 4 (172). – С. 92-98.
5. Мосиенко, Т.А. Особенности применения примирительных процедур с участием несовершеннолетних / Т.А. Мосиенко, А.Р. Шпак // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – N 11(150). – С. 94-98.
6. Надырбекова, Н.Н. Медиация в Кыргызской Республике: история, проблемы и пути решения / Н.Н. Надырбекова // Молодой ученый. – 2020. – N 20 (310). – С. 300-302.
7. Савин, А.А. Освобождение от уголовной ответственности. Объективные и субъективные условия и основания / А.А. Савин, Д.Н. Мешков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – N 11. – С. 233-236.